

Правда и кривда.

или-были въ одной деревнѣ два сосѣда, Иванъ да Наумъ—оба портные. Разъ согласились они идти въ другія волости, промыслятъ своимъ мастерствомъ. Пришли въ село, начали бабъ да мужиковъ обшивать и заработали по двадцати рублей на брата.

Идутъ въ другую волость, и заспорили дорогой: какъ лучше жить, правдой или кривдой. Наумъ говорить: «Правдой нужно жить», а Иванъ ему: «Врешь ты: изъ господъ ли, изъ купцовъ, или изъ нашего брата, мужиковъ, кто умѣетъ кривить, тотъ и въ сапогахъ ходить. А у насъ на деревнѣ, знаешь, чай, старика Архипа? Весь свой вѣкъ прожилъ правдою,—ни сапоговъ, ни хорошаго платья отъ роду не нашиваль». Наумъ на своемъ стоитъ, не соглашается. Вотъ ударились они объ закладъ, и такой между собой уговоръ положили—дойти до перваго села и спросить у людей: чѣмъ лучше жить? Если скажутъ: правдою,—то криводушный отдастъ правдивому свои двадцать рублей; а если скажутъ: кривдою,—пусть правдивый расплачивается.

Пришли въ село, стали по избамъ ходить да спрашивать: «Скажите, люди добрые, чѣмъ лучше жить: правдою или кривдою?» Только, кого ни спросятъ, отъ всѣхъ одинъ отвѣтъ: «Какая теперь правда! За правду не то, что не похвалятъ, а еще скажутъ—кляузникъ». «Нашли, о чемъ говорить! Само собой, кривдою жить лучше: кривда въ сапогахъ ходить, а правда въ лаптяхъ». Отдалъ Наумъ Ивану двадцать рублей. Принялись они по прежнему

работать, бабъ, мужиковъ обшивать. Заработали по тридцати рублей на брата и пошли въ третью волость.

Дорогой тѣ же разговоры: чѣмъ лучше жить. Опять поспорили и ударились объ закладъ на тридцать рублей. Дошли до села, а навстрѣчу купецъ ѣдетъ. «Ваше степенство! Рѣши ты нашъ споръ: чѣмъ лучше жить на свѣтѣ — правдой или кривдой?» Отвѣчаетъ купецъ: «Отцы наши говаривали: не обманешь—не продашь. Такъ неужто намъ умнѣе ихъ быть? Наше дѣло купеческое. Правдой сытъ не будешь, кривдой не подавишься; люди ложь — мы тожь?» Отдалъ Наумъ Ивану тридцать рублей.

Заработали они въ этомъ селѣ по пятидесяти рублей на брата, дорогой идучи, опять заспорили и порѣшили на томъ: кто теперь проспорить, пусть отдастъ другому всѣ пятьдесятъ рублей. Ѣдетъ имъ на встрѣчу баринъ. «Такъ и такъ, сударь, — говорятъ, — рѣши ты нашъ споръ: какъ рѣшишь, такъ тому дѣлу и быть.» Говоритъ баринъ: «Нечего и спрашивать: всѣ люди на одну стать, всѣ кривдой живутъ». Взялъ Иванъ у Наума пятьдесятъ рублей и пошли они дальше.

Пришлось имъ идти лѣсомъ, и застигла ихъ темная ночь, — ни зги не видно; бредутъ они ощупью, съ дороги вовсе сбились. Какъ разсвѣло, стали они искать дороги—нѣтъ ни дорожки ни тропинки, кругомъ дремучій, темный лѣсъ безъ конца-края. Пробродили цѣлый день; вынулъ Иванъ-криводушный изъ котомки каравай хлѣба и сталъ ужинать, — а Науму поѣсть нечего, ничего съ собой въ дорогу не взялъ. Подумалъ, было, онъ: не подѣлится ли съ нимъ Иванъ,—только Иванъ поѣлъ, хлѣбъ въ тряпочку завернулъ и въ котомку уложилъ. Такъ и легъ Наумъ не ѣвши.

Кое какъ проворочался онъ ночь, всталъ утромъ натошахъ, не подъ силу ужъ ему смотрѣть, какъ товарищъ за хлѣбъ принялся, — и сталъ онъ просить у него хоть кусочка. Не далъ Иванъ: «Ты, братъ, правдивый, на правду надѣнешься. Пусть она тебя и кормить».

Опять цѣлый день плутали; къ вечеру Наумъ ужъ чуть-чуть ноги передвигаетъ,—отошалъ совсѣмъ. Какъ сѣли отдыхать, да

принялся Иванъ закусывать, — началъ его Наумъ объ кусочкѣ хлѣба молить. «Ладно,—говорить Иванъ,—пусть ужъ моя кривда теперь тебя выручитъ: давай, я выколю тебѣ глазъ,—тогда дамъ хлѣба». Подумаль, подумаль Наумъ: «Ну, на,—говорить,—коли глазъ, если въ тебѣ жалости нѣтъ». Выкололъ ему глазъ Иванъ, и далъ маленькій кусочекъ хлѣба.

На утро насилу поднялся Наумъ и побрелъ вслѣдъ за товарищемъ. Сѣли отдыхать, и говорить онъ Ивану: «Христомъ Богомъ прошу: дай еще кусочекъ хлѣба, а то совсѣмъ помираю». — «Ладно, ради моей кривды, дамъ еще кусокъ, коли позволишь и второй глазъ выколотъ». Испугался Наумъ, сталъ просить, молить товарища, чтобы покормилъ его такъ, общаетъ на всю жизнь къ нему въ батраки пойти,—нѣтъ, не соглашается Иванъ, всталъ и уходитъ хочетъ. Еще больше испугался Наумъ: страшно одному въ лѣсу оставаться, голодной смертью помирать, а подняться, съ голоду не можетъ. «Да ужъ нечего раздумывать,—говорить Иванъ,—давай глазъ; такъ и быть, покормлю тебя тогда и поведу за собой слѣпого. Заплакалъ Наумъ, обернулся кругомъ, поглядѣлъ въ послѣдній разъ на бѣлый свѣтъ, на ясное солнышко, и говорить: «Богъ съ тобой, на, коли послѣдній глазъ, если тебѣ ужъ такъ этого хочется!»

Выкололъ ему Иванъ послѣдній глазъ, далъ кусочекъ хлѣба, а какъ поѣлъ онъ,—привязалъ ему къ рукѣ веревочку и повелъ за собою. Отошли они немного, надоѣло Ивану вести за собой слѣпого; вотъ онъ завелъ его въ болото и бросилъ тамъ. «Прощай,—говорить,—кумъ, не поминай меня лихомъ, съ своей правдой въ болотѣ сидючи». И ушелъ.

Загоревалъ, затужилъ Наумъ: «Видно и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ правды на свѣтѣ; одолѣла меня кривда!» Выбился кое-какъ изъ болота, бредетъ ощупью и вдругъ слышится ему голосъ: «Поверни направо и иди все напрямикомъ. Дойдешь до самой чащи, найдешь тропинку; она приведетъ тебя къ старому дубу. Ты на тотъ дубъ влѣзь, ночи дождись и слушай, что кто подъ дубомъ скажетъ; какъ услышишь, такъ и дѣлай».

Повернулъ Наумъ направо, по тропинкѣ дошелъ до дуба, влѣзь на него и сталъ слушать.

А я сегодня три хороших дѣла сдѣлала, — говоритъ Кривда.

Подошло время къ полночи, приходятъ подъ дубъ двое— Правда и Кривда. Правда въ лаптяхъ, Кривда въ саноггахъ. Говоритъ Кривда: «Я сегодня три хорошихъ дѣла сдѣлала: Первое дѣло — у помѣщика воду отняла: пусть его погорюетъ! Второе дѣло — царскую дочь испортила — пусть царь поплачетъ! Третье дѣло лучше всего: Иванъ Науму глаза выкололъ. Подѣломъ, Науму: мало меня почиталъ». Говоритъ Правда Кривдѣ: «А все-таки, Кривда, твое дѣло недолговѣчное. Велитъ помѣщикъ раскопать терновый кустъ, что въ оврагѣ стоитъ — и вода у него будетъ; велитъ царь отъ той березы, что на высокой горѣ, противъ его дворца стоитъ, отмѣрить двѣнадцать сажень на восходъ солнца, землю тутъ разрыть и крестъ, что въ землѣ лежитъ, найти, да тѣмъ крестомъ царевну благословить — и царевна выздоровѣетъ; умоется Наумъ водой изъ гремучаго ключа, что изъ подъ этого дуба бѣжитъ,—и прозрѣетъ».

Перетолковали Правда съ Кривдой и разошлись. Наумъ слѣзъ съ дуба, прислушивается, — тутъ и ключъ журчитъ. Нашелъ ключъ, умылся — и сталъ зрячимъ по прежнему. Ночь въ лѣсу переночевалъ, а поутру въ путь-дорогу пустился.

Не долго и шелъ онъ, глядь,—просвѣтъ показался, лѣсъ кончился, около лѣса идетъ большая дорога. Пошелъ онъ этой дорожкой, приходитъ въ барскую усадьбу. Зашелъ было, водицы попросить, напиться, а ему говорятъ: «Или съ Богомъ, у насъ вода дорогая: за десять верстъ по воду ѣздимъ. Нашъ помѣщикъ просто озолотилъ бы того, кто бы ему воды на мѣстѣ досталъ». Попросилъ тогда Наумъ, чтобы его къ помѣщику провели. «Такъ и такъ,—говоритъ,—слышалъ я про вашу бѣду и могу ей помочь». Помѣщикъ и слушать не хочетъ: «У меня,—говоритъ,—много тутъ колодезниковъ перебывало. Только деньги съ меня брали, а ничего не сдѣлали».—«Да мнѣ денегъ не нужно».—«Когда такъ, попробуй». Наумъ взялъ двухъ работниковъ, пошелъ въ оврагъ, раскопалъ терновый кустъ — а вода оттуда какъ хлынетъ! Весь оврагъ залила. Диву дался помѣщикъ, не знаетъ, какъ и благодарить Наума. Полный кошель серебра ему отсыпалъ.

Пожилъ здѣсь Наумъ день-другой, пошелъ дальше. Не даромъ пословица молвится: языкъ до Кіева доведетъ. Такъ и На-

уму помогли добрые люди до царя добраться. «Ваше величество,—говорить царю Наумъ,—слышалъ я про вашу бѣду, что дочка у васъ больна. Этому дѣлу я помочь могу». Отвѣчаетъ ему царь: «Сколько у меня лѣкарей, ученыхъ людей, перебывало, ничего не помогли! Ты и подавно не поможешь.» А Наумъ все на своемъ стоитъ. «Ну,—говорить царь,—помогай. Только, если хуже будетъ—сейчасъ тебѣ голову долой». — «На то ваша царская воля». Взялъ Наумъ двухъ слугъ царскихъ, пошелъ съ ними на ту гору, что противъ дворца стояла, отмѣрилъ отъ березы двѣнадцать сажень на восходъ солнца; стали тутъ землю копать — крестъ нашли. Благословилъ Наумъ тѣмъ крестомъ царевну — выздоровѣла царевна. Обрадовался царь: «Проси у меня, чего хочешь,—говорить Науму. — Хочешь, дочь за тебя отдамъ?» — «Что вы, ваше величество! Куда мнѣ, мужику, въ царскую родню лѣзть. Я и ступить-то по придворному не умѣю». Отсыпалъ царь Науму цѣлый четверикъ золота и отпустилъ его съ честью.

Вернулся Наумъ на родину, новую избу купилъ, всѣмъ хозяйствомъ заново обзавелся. Стала молва идти по деревнѣ: разбогатѣлъ-де Наумъ, у самого царя въ гостяхъ побывалъ. «Что за притча?—думаетъ Иванъ.—И съ глазами Наумъ, и съ деньгами. Надо провѣдать его». И пошелъ къ нему въ гости.

— Съ новосельемъ, кумъ! — «Спасибо.» — «Ты ужь на меня, сдѣлай милость, за прежнее не сердись, вѣдь, самъ знаешь: уговоръ такой былъ». — «Ничего, слава Богу, я опять зрячимъ сталъ». — «Говорятъ на деревнѣ, будто ты съ большими деньгами пришелъ, у царя въ гостяхъ побывалъ». Промолчалъ на это Наумъ. Видитъ Иванъ, что такъ толку не добьешься, дождался, пока подали угощеніе; тутъ у хозяина языкъ развязался, и рассказалъ онъ гостю, какъ услышалъ голосъ на дорогѣ, этого голоса послушался и богачомъ сталъ.

Вспало на умъ Ивану это средство испробовать. Да вотъ горе: гдѣ тотъ дубъ сыскать, подъ которымъ Наумъ разговоръ слышалъ? А самъ Наумъ это мѣсто вовсе запомнилъ. И порѣшилъ Иванъ идти къ знахарю за совѣтомъ.

Говоритъ ему знахарь: «Незачѣмъ тебѣ дуба искать,—я лучше мѣсто знаю. Выходи ты въ самую полночь на болото; тамъ

увидишь старую лодку. Залѣзь ты подъ нее и слушай: что кто скажетъ; какъ услышишь,—такъ и дѣлай».

Лежитъ Иванъ подъ лодкой, слушаетъ. Въ самую полночь вылѣзли изъ болота трое: старый дѣдушка Болотникъ и двое чертенятъ. Сѣли на днище. «Чудныя дѣла на свѣтѣ творятся,—говоритъ дѣдушка:—то все кривда одолѣвала, а теперь и правда въ силу входитъ. Слышали, дѣтки, какое счастье Науму-то привалило? Надо бы ему какую пакость придумать!» Насторожилъ Иванъ уши, хотѣлъ голову изъ-подъ лодки высунуть, чтобы лучше слышать, да лодку-то и толкну. Всполошились чертенята, вскочили, перевернули лодку и вытащили Ивана. Какъ завизжать: «Батюшки, чужой!»—«Да ужъ не Наумъ ли это?»—кричитъ Болотникъ. Плохо пришлось тутъ Ивану, такъ плохо, что еслибъ скоро пѣтухъ не пропѣлъ, не быть бы ему живому. Избили его черти и въ болото бросили.

Утромъ шли мимо мужики, увидали Ивана въ болотѣ, вытащили и отвели въ деревню. Сколько ни допытывались отъ него, какъ онъ въ болото попалъ — не сказалъ Иванъ. Только промолвилъ: «И другу и недругу закажу знахарямъ вѣрить». Да еще съ той поры за кривду горой стоять бросилъ.

